

Дьявол в аду — образ положительный.

Станислав Ежи Лец

Зона № 7, Дубай, февраль 2016 года

Он помнил этот мир совсем другим.

И хоть прежде Безликому не доводилось смотреть на Дубай с высотных террас небоскреба Бурдж-Халифа, разница между нынешним Дубаем и тем, каким он видел его в последний раз, была заметна даже из поднебесья. Райская жемчужина, некогда цветущий, современный оазис на берегу Персидского залива ныне превратился в крошечный ад. Ад, который даже по меркам побывавшего за свою жизнь не в одном аду Безликого был чем-то из ряда вон выходящим.

Вот уже третий месяц в Дубае свирепствовала песчаная буря. При взгляде сверху она напоминала исполинскую коровью лепешку, что упала на россыпь сверкающих кристаллов — Бурдж-Халифа и других небоскребов, чьи верхушки торчали над этой грязно-желтой массой. И не просто упала, а вдобавок медленно вращалась и редела, разве что при этом не воняла, и на том спасибо. Миллиарды тонн песка носились над Дубаем, раскрученные до ураганной скорости неведомой климатологам силой. Также не ведали они, когда закончится странный катаклизм. Прогнозы строились разные, но оправдывались пока лишь самые мрачные. Буря

и не думала утихать, мало-помалу превращая Дубай в мертвый город-призрак.

Диаметр циклона не превышал семидесяти километров, и уже в расположенном по соседству Абу-Даби царила тишь да благодать. Было относительно спокойно и на верхних этажах многих небоскребов. На высоте в двести с лишним метров циклон словно упирался в невидимый барьер и терял свою силу, уступая место господствующим здесь обычным ветрам. Зато внизу, на побережье, над водами залива и на искусственных насыпных островах стихия бушевала во всю свою дьявольскую мощь.

И именно туда — в ревущий песчаный котел — предстояло спуститься Безликому..

— Значит, вы утверждаете, что вскоре такой хаос будет твориться во всем мире? — спросил он у Инструктора, который доставил его сюда и, исполнив миссию, готовился вот-вот покинуть своего подопечного.

— Мир уже повержен в хаос и летит под откос, — ответил Инструктор. Честно говоря, это его следовало бы называть Безликим. В своем эластичном сером комбинезоне и надетой на голову такой же эластичной шапочке-маске, в которой не было ни одной прорези, он напоминал не человека, а ходячую и говорящую заготовку для манекена. — Ты еще не видел затопленную Москву, разрушенный землетрясением Новосибирск, утонувший в кипящей грязи Найроби, заросший хищными лианами Бангкок, сожранный гигантскими муравьями этот... как его... все время забываю название того американского городка... Ты не видел толпы беженцев, горы мертвых тел и беспомощных миротворцев,

которые мечутся от одной катастрофы к другой, элементарно не зная, что им делать. Ты не видел панику, которая поразила властные структуры всего мира, не видел разваливающуюся экономику и массовые беспорядки на улицах крупных городов. Ты много чего не видел, Безликий. Но тебе и не нужно всего этого видеть. Скажу больше: пока ты будешь находиться здесь, в мире наверняка произойдет еще немало бедствий. Причем некоторые из них будут гораздо ужаснее, чем это. — Он указал на беснующуюся внизу бурю. — Так что, если хочешь вернуться обратно в свой две тысячи сто девяносто восьмой год и обнаружить там привычную реальность, а не безжизненную, выжженную дотла пустыню, советую тебе сделать то, о чем я тебя прошу.

— Вы просите меня сделать то, чем я поклялся больше никогда не заниматься, — проворчал Безликий. — Поклялся не только самому себе, но и своей приемной дочери, а также двум внучкам.

— По-моему, я доходчиво объяснил тебе, Безликий, что, если ты откажешься, может случиться, что в том мире, где ты живешь, у тебя вообще не будет ни дочери, ни внучек, — напомнил Инструктор. — Просто потому, что они никогда не родятся. Ни они, ни миллиарды других детей. Также, возможно, там не будет тебя, ведь с некоторых пор ты считаешься неотъемлемой частью той реальности. Ты связан с ней гораздо крепче, чем даже с миром, где ты родился и прожил почти всю свою жизнь. Так неужели ты хочешь все это уничтожить лишь потому, что ты кому-то там поклялся, бросив на воздух несколько пустых слов?

— Нет, не хочу, — ответил Безликий. — Да и поздно мне отказываться от работы, раз уж я сюда явился. Единственное, что мне хотелось бы узнать, это детали игры, в какую вы меня втравили. И чем больше, тем лучше.

— Разве твое бывшее командование посвящало тебя во все подробности боевых операций, в каких ты участвовал? — хмыкнул Инструктор. И сам же ответил на свой вопрос. — Нет, конечно. Ты — всего лишь исполнитель, который знает ровно столько, сколько ему положено. Ни больше ни меньше. Я, конечно, знаю побольше тебя, но тоже далеко не все, о чем мне хотелось бы знать. Но даже если бы мое начальство вдруг решило рассекретить нам с тобой всю информацию об этой операции, вряд ли мы связали бы в ней концы с концами. Это слишком большая и сложная игра, Безликий, чтобы исполнители, вроде тебя и меня, смогли вникнуть в замыслы тех, кто ее ведет. Поэтому просто делай свою работу и постарайся не умереть. Вот и все, что мне от тебя требуется. И нам, и твоему миру, который ты здесь защищаешь... А теперь прощай. И не нужно пытаться выйти со мной на связь. Когда придет время, я сам тебя разыщу.

И Инструктор, кивнув Безликому, растаял в воздухе, будто его здесь и не было.

Безликий вполголоса чертыхнулся и снова задумчиво уставился на ревущий под ним гигантский песчаный вихрь.

Ну вот и все. Теперь он предоставлен самому себе и может полагаться только на себя и свои таланты. Почти как в старые добрые времена.

Безликий и сам был почти старик — как-никак, уже скоро полтинник стукнет. Но в том прекрасном мире, где он прожил последние несколько лет, люди стареют медленно и легко доживают до ста пятидесяти. Поэтому глаз у Безликого оставался по-прежнему зорким, рука не дрожала, а его нервной выдержке могли позавидовать даже кардиохирурги, автогонщики и космонавты.

И Инструктор, и его начальство были откровенно двуличными мерзавцами. Но в одном они, безусловно, правы: лучшего исполнителя для такой специфической работы им было не найти. Вдобавок он отлично знал эти места и эту эпоху, превосходно говорил на арабском и вряд ли заблудится в Дубае даже в бурю.

— Поверить не могу — я снова в начале двадцать первого века, снова на «югах» и снова вышел на охоту! — пробормотал себе под нос Безликий и горько усмехнулся. — Что прошлое, что будущее — везде одно и то же. Ничего в этом проклятом мире не меняется!

Тут он, конечно, сильно ошибался. На самом деле мир менялся, причем стремительно. И чтобы убедиться в этом, достаточно было взглянуть с вершины Бурдж-Халифа на захлебывающийся ураганом Дубай.

Да, мир менялся, но, увы, не так, как всем того хотелось бы.

В начале 2016 года окончательно ушли привычные нам времена.

Наступил Сезон Катастроф...